

*3 июля 2018 года поэт, публицист, переводчик,
главный редактор журнала «Новая Немига литературная» Анатолий Аврутин,
принадлежащий к лучшим творческим людям современности,
отмечает 70-летний юбилей*

***Глубокоуважаемый, дорогой Анатолий Юрьевич!
Редакция журнала «Берега», читатели и авторы, мы все сердечно Вас поздравляем!
Примите наши искренние пожелания новых книг, новых творческих проектов,
успехов и читательского признания! Великолепного, отменного здоровья
и самочувствия, будьте всегда в прекрасной форме!
Любви, понимания, благополучия и процветания!***

Интервью с поэтом Анатолием Аврутиным

Предлагаем вниманию читателя размышления Анатолия Аврутина о русской поэзии, о том, что есть сегодня поэт, его творческая лаборатория. Вопросы задавала главный редактор журнала «Берега» Лидия Довыденко

Л.Д. Анатолий Юрьевич! Вы являетесь русским поэтом каждой строчкой Вашей поэзии, каждым словом. Каковы истоки этой любви к русской поэзии, русскому языку?

А.А. Понимаю – Ваш вопрос вызван тем, что я родился и живу всю жизнь в Беларуси. Но родился я в то время, когда у всех нас была одна общая Родина – Советский Союз. И по-русски в Минске, как, кстати, и сейчас, говорило подавляющее большинство населения. У нас дома, сколько себя помню, была библиотечка русской классики, любовно собранная отцом – Пушкин, Чехов, Толстой, Лермонтов, Куприн, Некрасов... Эти имена вошли в мою плоть с молоком матери. Именно мама сидела со мной дома, когда я был совсем маленьким, и в каждую, свободную от домашних хлопот минуту, читала мне книжки, хранившиеся на этажерке. В детстве у меня была очень хорошая память – почти любое прочитанное стихотворение или сказку я полностью запоминал с первого раза. И все пушкинские сказки уже в неполных четыре года декламировал наизусть... Поэтому было бы странным, начни я писать стихи на каком-нибудь другом языке. Кстати, в белорусской литературе легко прослеживается такая тенденция: уроженцы города пишут на русском, уроженцы села, где белорусские национальные традиции выражены куда сильнее, на белорусском...

Л.Д. Когда Вы поняли, что Вы поэт, что это главный Ваш талант и предназначение?

А.А. Стихи я начал сочинять куда раньше, чем научился писать – мои первые творения бережно записывала в тетрадку мама. И даже сберегла четверостишие, которое можно считать моим первым стихотворением. Я ведь дитя репродуктора, который в нашем доме не выключался никогда. И параллельно с пушкинскими сказками в моё сознание входили имена генеральных секретарей компартий, столицы стран мира, оперные арии, футбольные репортажи Вадима Синявского. Я, кстати, и первые уроки белорусского языка получил из передач местного радио... И вот, наслушавшись победных сводок о достижениях тружеников советского села, я выдал своеобразную оду трактору:

Трактор, трактор, ты пойдёшь
По полям станицы.
Много хлеба привезёшь
Жителям столицы.

Согласитесь, форма стиха выдержана безукоризненно, что для четырехлетнего карапуза огромное достижение. Форму я всегда чувствовал интуитивно. А вот ни хлебного поля, ни пашущих его

тракторов, ни тем более станицы тогда ещё и в глаза не видал... А вот серьёзно я стал относиться к поэтическому слову куда позднее, когда впервые по-настоящему влюбился. В замужнюю женщину с двумя детьми, которая была намного старше меня. Потерял голову и несколько общих тетрадей написал стихотворными строчками о несчастной любви – дама моего сердца благосклонно складывала стихи в особую папочку, но взаимностью мне не платила... Потом юношеская пылкая влюбленность сменилась на куда более сильное чувство, но именно тогда я понял, что поэтическое слово несёт в себе заряд огромной силы, способный не только вмешиваться в судьбы людей, но и порой кардинально их изменять...

Л.Д. Хотелось бы заглянуть в Вашу творческую лабораторию. Как рождаются стихи? Всё-таки не «из сора». Мне кажется, Анна Ахматова немного кокетничала, когда так написала.

А.А. Полагаю, что думаете Вы правильно. Причем здесь сор? Лично на меня стихи как бы снисходят, чаще всего в самое неподходящее для этого время. Например, ночью. Успеешь подхватиться, заставить себя встать и записать – повезло. Если нет, пиши пропало – стихи уйдут безвозвратно. Самое мучительное состояние – между двумя озарениями. Живешь и мучаешься – а вдруг оно больше не придёт? За десятилетия творчества выработался своего рода «график» – в месяц пишутся два-пять стихотворений. Не больше, но и, слава Всевышнему, не меньше. Года за полтора-два собирается на новый сборник...

Л.Д. Кругом подмены, симулякры, ложная информация. Как Вам удаётся оставаться самодостаточным и органичным?

Но ведь это от нас зависит, как мы реагируем на ту или иную информацию, как себя ведём, чем интересуемся. Кто нам мешает отмечать те даты, которые дороги именно нам, а не назначены в качестве праздников в неолиберальном календаре? Слава Богу, черпать интересующую тебя информацию есть где. Почти не смотрю телевизор, поскольку мне не нравятся нынешние аналитические, а тем более – развлекательные программы. Помню, в одну из новогодних ночей, когда мы с женой одни встречали праздник, вместо телевизора отыскивали в интернете запись большого концерта Муслима Магомаева и с наслаждением послушали вначале его, а потом ещё и песни в исполнении Майи Кристалинской... Получили огромное наслаждение. То же самое и в литературе. Не признаю никакого постмодерна, никаких витиеватых километровых верлибров... То есть, пусть они себе существуют, но меня это не касается. И русской литературы, на мой взгляд, тоже... Сколько бы их авторы ни примазывались к русской словесности...

Л.Д. Вы несомненно больше всего любите Пушкина. Почему, откуда истоки этого предположения?

А.А. Я бы не стал утверждать, что Александр Сергеевич – мой единственный любимый поэт. Просто это тот человек, который, по существу, создал современную русскую литературу, та глыба, без которой не было бы вообще ничего. Можно превзойти Пушкина в каких-то элементах творчества (скажем, в техническом отношении Александр Блок заметно сильнее). Так в спорте наши современники с легкостью бьют рекорды великих чемпионов – прыгают выше, поднимают больше, метают дальше... Но это только в каких-то единицах, поддающихся измерению. Величие же пушкинской личности, его роль в становлении отечественной словесности превзойти вообще невозможно.

Вот я сейчас назову несколько имён, а те, кого не упомянул, непременно обидятся... Поэты – люди ранимые. И говорить им слова признательности нужно при жизни, чтобы они их услышали. Тем не менее, осмелюсь все же перечислить несколько фамилий – Светлана Сырнева, Екатерина Полянская, Наталья Егорова, Надежда Мирошниченко, Людмила Щипахина, Валентина Ефимовская... Как видим, все это женщины-поэтессы. Добавлю к ним ещё имена и своих землячек – Валентины Поликаниной, Елены Крикливец, Татьяны Жилинской, Елены Агиной, Татьяны Лейко, Елизаветы Полеес, неувыдаемой Светланы Евсеевой... Мне кажется, именно женщины на сегодняшний момент взвалили на свои плечи основную тяжесть спасения русского поэтического слова. Хотя и мужчины-поэты, такие, как Виктор Кирюшин, Андрей Шацков, Николай Рачков, Владимир Шемшученко, Владимир Бояринов, Валерий Хатюшин тоже являют своим творчеством пример благородного служения отечественной словесности.

Л.Д. Переводческая деятельность... Из какой потребности она родилась? От античности до современных авторов. Что открылось Вам при переводе какого-то писателя или поэта, кого Вы особенно почувствовали и глубоко поняли во время работы над переводом?

А.А. Меня всегда интересовала античность. Ведь, если вдуматься, кого мы знаем из тех, кто жил пять-шесть тысяч лет назад? Несколько самых кровавых императоров и... поэтов. Вергилия, Горация, Овидия, Катулла, Сапфо... Почему так получилось, что именно их имена сохранила история? Да потому, что человечество на каком-то подсознательном, генном уровне осознаёт – именно присутствие поэзии в общественной сфере позволяет *гомо сапиенсу* оставаться человеком, а не превратиться в тупиковую ветвь развития обезьяны...

Другое дело, что бессмертные творения античных классиков долгое время казались скучны для рядового читателя. А всё потому, что классики русской литературы к переводам относились весьма поверхностно, передавая исключительно содержание стихотворения без малейшего намёка на форму. В результате вместо Катулла мы читали ажурный пушкинский стих. В советские времена за дело взялись академические переводчики, которые, наоборот, первейшее значение придавали форме, но сами были поэтами в основном посредственными. А потому читать то, что выходило из-под их перьев было интересно разве что единицам. Я же попытался в работе с текстами античных мастеров сохранить и форму, и поэтическое изящество. Не мне судить о том, что получилось, но специалисты, да и рядовые читатели отзываются о моих усилиях весьма положительно.

Постепенно захотелось попробовать донести до современного русского читателя и творчество поэтов Эпохи Возрождения, гениальных французских, немецких мастеров. И, разумеется, всю жизнь с удовольствием перевожу своих коллег, пишущих по-белорусски. У меня в книге избранного «Просветление», которая была удостоена Национальной литературной премии Беларуси, очень большой раздел занимают переводы именно с белорусского. Михась Поздняков, Микола Метлицкий, Михась Башлаков, Владимир Мозго, Владимир Скоринкин, Микола Шабович – замечательные белорусские поэты, творчество которых заслуживает того, чтобы стать известным далеко за пределами Беларуси.

Л.Д. Что Вам даёт редакторская работа в журнале «Новая литературная Немига»?

А.А. В первую очередь – возможность открывать новые литературные дарования, помогать им становиться на ноги. И, разумеется, укреплять творческие контакты с коллегами из других стран – в первую очередь, из России. Вот и с «Берегами» мы уже давно, как говорится, «дружим семьями». Наши авторы – частые гости на страницах вашего журнала, ваши – у нас... И так – со многими изданиями: «Нашим современником», «Молодой гвардией», «Невским альманахом», «Подъёмом», «Вертикалью»... В наше время, когда связи между писателями бывшего СССР основательно разрушены, именно такие творческие контакты помогают вдохнуть в творческий процесс искорки жизни... Но этим «Немига...» не ограничивается. Творческие связи налажены со многими русскими изданиями, выходящими в дальнем зарубежье – «Литературным европейцем» и «Мостами» (Германия), «Новым журналом» и «Альманахом поэзии» (США), «Витражами» (Австралия)... Так что наших авторов знают и на других континентах.

Л.Д. Есть ли у Вас история с каким-то автором, какой-то книгой, стихотворением?

А.А. Могу говорить только о том, как люди реагируют на моё собственное творчество. В наше время поэзией увлекаются далеко не все. Но те, кто понимает её значение и предназначение, порою врачуют собственные души именно стихами. В моей жизни встречалось несколько человек, судьбы которых меняли мои стихи... Не буду вдаваться в подробности... Просто живу с чувством гордости от того, что кого-то мои скромные строчки удержали на краю пропасти...

Л.Д. Расскажите о Вашей музе. Это внезапно появляющаяся «гостья с дудочкой в руках» или какой-то другой образ?

А.А. Чтобы писать стихи, поэт просто обязан быть влюбленным. Иначе ничего не получится. Убежден, что любовь одна, и дается человеку на всю жизнь, но на протяжении этой самой жизни порой переходит на разные объекты. Точнее, на разных женщин, способных на какое-то время вдохновить, озарить, осчастливить... Я человек влюбчивый, и таких Муз на моем жизненном пути встречалось немало – достаточно посмотреть на количество посвящений с женскими инициалами в

моих книгах... Хотя всю жизнь за их меняющимися образами стоит образ главной Женщины моей жизни – жены Зои, с которой мы вместе уже свыше сорока лет, и которая своей самоотверженностью всегда придавала мне жизненные силы и стойкость.

Л.Д. Есть ли у Вас в жизни, в творчестве какие-то судьбоносные события?

А.А. Смотря что называть судьбоносным... Некогда, совсем еще «зелёным» автором, познакомился с народным поэтом Беларуси Пименом Емельяновичем Панченко, который очень поддержал меня, высоко оценив рукопись первого сборника. Помочь выпустить его в свет он, несмотря на все усилия, не смог, но тёплый рукописный отзыв на книгу народного поэта я храню до сих пор. Потом судьба свела меня с другим замечательным писателем – Михасём Стрельцовым, уникальнейшего таланта и эрудиции человеком. Мы на какое-то время очень тесно сдружились, Михась порой жил неделями в нашем доме... Именно он помог мне выпустить в свет первый сборник... Не могу не вспомнить и замечательного прозаика Ивана Сабилу, с которым мы родились и росли в Минске на одном крохотном Авдодоровском переулке. Тогда дружбы между нами быть не могло – мне было шесть, а Ивану четырнадцать. Но впоследствии, когда Иван Иванович уже жил в Петербурге, где много лет возглавлял областную писательскую организацию, мы отыскиали друг друга и подружились уже навсегда. Именно Ивану Сабилу я обязан тем, что меня стали замечать и печатать редакторы многих российских литературных изданий...

Л.Д. Как случилось, что Вашим именем названа звезда? Чувствуете ли Вы её влияние? Или это просто лестный эпизод в Вашей жизни?

А.А. Думаю, что последний вариант наиболее правильный... Звёздочка крохотная, пятнадцатой величины, ни в какой телескоп её не рассмотришь. Но приятно, не скрою... И какую-то дополнительную ответственность за уровень написанного подспудно испытываю...

Л.Д. Как Вы стали членом различных академий? Насколько это важно для Вас?

А.А. Для меня важно не само членство в этих авторитетных сообществах, а то, насколько это может мне помочь в работе по пропаганде русской словесности Беларуси за пределами нашей страны. Дело в том, что десятилетиями созданное в Беларуси на русском языке почему-то считалось чем-то заведомо второсортным – не белорусской литературой, и не русской. Так, русскоязычной, что вообще-то сродни ругательству. Это при том, что русское слово в Беларуси имеет свои могучие корни, берущие начало от великого Симеона Полоцкого и продолжившиеся в творчестве многих известных писателей. Я могу на эту тему долго рассуждать... Скажу только, что факт признания того, что в Беларуси есть известный русский поэт – а членство в Академиях разных стран тому подтверждение – автоматически придаёт веса и всей русской литературе Беларуси, заставляя взирать на неё более внимательно и доброжелательно. Кстати, сравнительно недавно пришло известие из Болгарии, что меня избрали действительным членом Международной Славянской Академии. Значит, впереди новые горизонты...

Л.Д. Расскажите о Ваших любимых: поэт, художник, композитор, фильм, сказка, место на земле, женский образ.

А.А. Если коротко, по ночам перечитываю Блока и Рубцова, люблю картины художников Эпохи Возрождения, а также Репина, Шишкина, Левитана, русских передвижников, добрые советские кинофильмы, вроде «Иронии судьбы», «Кавказской пленницы», «Вокзала на двоих» и «Москва слезам не верит...», верю в то, что любая царевна-лягушка при определённых условиях может обратиться в Василису Прекрасную – нужно только её сильно полюбить... Одним словом, верю в Любовь, которая и есть высшее чудо на земле.

Л.Д. Благодарю Вас, Анатолий Юрьевич, примите мои наилучшие пожелания.